

Исповедь Теодюля Сабо / рассказ

Category: Некаўалар, Кітарцы

написано кітарцы | 23 января, 2025

Исповедь Теодюля Сабо / рассказ ИСПОВЕДЬ ТЕОДЮЛЯ САБО

Стоило Сабо появиться в мартинвильском кабаке, как все посетители начинали смеяться. Ну и плутяга этот Сабо! Умел распотешить, что и говорить. Взять хоть священников: как он их ненавидел! Да нет, мало сказать – ненавидел! Этот молодчик просто поедом их ел!

Теодюль Сабо, столяр, принадлежал к прогрессивной партии Мартинвиля. Это был высокий тощий человек с прилизанными височками, хмурым взглядом серых глаз и тонкими губами.

Бывало, он так неподражаемо произносил: «Наш святейший отец-пьянчуга», – что все хватались за животы от хохота. Он считал своим долгом работать во время воскресной обедни и всякий раз в понедельник на Страстной неделе резал свинью, чтобы до самой пасхи есть колбасу. А завидя на улице священника, никогда не упускал случая насмешливо бросить ему вслед:

– Вот человек, который только что проглотил у себя за стойкой своего господ бога.

Священник, тоже очень высокий и к тому же толстяк, побаивался шуточек столяра, которые у многих имели успех. Аббат Маритим был тонкий политик, сторонник всяких дипломатических мер. И вот уже добрых десять лет между столяром и аббатом шла непрерывная, ожесточенная, но скрытая борьба.

Сабо был членом муниципального совета. Его прочили в мэры. А если бы он стал мэром, это неизбежно привело бы к решительному поражению церкви. Приближались выборы. Лагерь мартинвильских церковников трепетал. Но вот однажды утром кюре отправился в Руан, сказав служанке, что едет к архиепископу.

Через два дня он вернулся сияющий, с победоносным видом. А на другое утро все узнали, что будут заново отделяться церковные хоры. Его преосвященство отпустил-де на это шестьсот

франков из своего личного фонда. Все старые сосновые скамьи будут сломаны, и вместо них сделают новые из цельного дуба. Что говорить, почетная работа для столяра! В тот вечер во всех домах Мартинвиля только и толковали, что об этой работе.

Теодюлю Сабо было уже не до смеха.

Когда на следующее утро он проходил по селу, все соседи, и друзья и враги, подшучивали над ним:

– Небось, ты будешь церковные хоры отделывать? Он не мог ничего придумать в ответ и молча злился, ужасно злился.

А насмешник прибавлял:

– Работенка неплохая, – франков двести – триста чистого дохода, никак не меньше.

Еще через два дня все узнали, что работа будет поручена паршевильскому столяру Селестину Шамбрелану. Потом этот слух опровергли. Потом стало известно, что будут переделываться также и все скамьи для прихожан. На эту работу потребуется две тысячи франков, и ходатайство уже подано в министерство. Страсти разгорались.

Теодюль Сабо лишился сна. Испокон веков ни один мартинвильский столяр не получал такого заказа. Потом прошел новый слух. Поговаривали шепотком, будто бы для кюре очень не по душе отдавать эту работу на сторону, но дать ее Сабо он не может из-за убеждений столяра.

Дошел этот слух и до Сабо. И вот с наступлением сумерек он направился к домику кюре. Служанка сказала, что кюре в церкви. Он пошел туда.

Там под надзором священника две прокисшие старые девы, посвятившие себя служению богородице, украшали алтарь к месяцу Марии. Кюре стоял на хорах, выпятив огромный живот, и отдавал приказания женщинам, которые, взобравшись на стулья, украшали цветами дарохранильницу.

Сабо было очень не по себе, словно он зашел в дом своего злейшего врага; однако его подстрекало желание хорошо заработать. С шапкой в руках, он подошел поближе, не обращая внимания на женщин, которые так и застыли на стульях, окаменев от изумления.

– Здравствуйте, господин кюре, – пробормотал Сабо.

– Здравствуйте, господин столяр, – ответил священник, даже не взглянув на него, весь поглощенный созерцанием алтаря.

Сбитый с толку Сабо не находил слов. Помолчав, он спросил:

– Вы, я вижу, готовитесь?

– Да, приближается месяц Марии, – отвечал аббат Маритим.

– Так, так, – проговорил Сабо и снова замолк.

Он уже готов был уйти, так ничего и не сказав, но взглянул на хоры и решил остаться. Он разглядел там целых шестнадцать сидений, которые предстояло переделывать: шесть сидений направо от двери, восемь налево и два возле двери в ризницу. Шестнадцать дубовых сидений! Материалу сюда пойдет самое большее на триста франков, так что, если взяться за дело с толком, можно заработать добрых две сотни.

И он выдал из себя:

– Я пришел насчет работы.

Кюре сделал удивленное лицо.

– Какой работы? – спросил он.

Сабо совсем растерялся.

– Да вот, для которой вам столяр нужен... Священник обернулся и взглянул ему прямо в глаза:

– Уж не о ремонте ли хоров у меня в церкви вы говорите?

Это было сказано таким тоном, что у Теодюля Сабо мурашки по спине побежали, и ему снова захотелось удрать. Но все же он смиренно ответил:

– Вот именно, господин кюре.

Аббат сложил руки на своем объемистом животе и, казалось, оцепенел от изумления.

– И это говорите мне вы... вы, Сабо... вы... единственный безбожник в моем приходе... Но ведь если я поручу вам работу, это вызовет всеобщий скандал. Его преосвященство сделает мне выговор, а может быть, и совсем меня сместит.

Он перевел дух и продолжал уже спокойно:

– Я понимаю, конечно: вам прискорбно видеть столь важную работу в руках столяра из чужого прихода. Но я не могу поступить иначе. Вот если бы... Да нет, это невозможно... Вы на это все равно не пойдете. А так... Нет, нельзя.

Сабо тем временем созерцал длинный ряд скамей, которые

тянулись почти до самого выхода. Тьфу ты пропасть, а что, если и впрямь все это будут переделывать?

И он спросил:

– А все-таки скажите, что для этого нужно?

Священник решительно заявил:

– Мне нужно получить явное доказательство вашего благочестия.

– Ну что ж. Я ничего, не против. Может, мы еще и столкнемся, – пробормотал Сабо.

Кюре пояснил:

– В ближайшее воскресенье во время большой мессы вам надо будет причаститься на глазах у прихожан.

Столяр почувствовал, что бледнеет, и, не отвечая, спросил:

– А что, скамьи тоже будут переделывать?

– Да, но попозже, – отвечал аббат.

– Ну что ж, я согласен, я согласен, – заговорил Сабо. – Ведь я никогда не был отступником; я совсем не против религии. Вот только обряды мне не по душе. Но уж раз такое дело, я готов.

Служительницы пресвятой девы сошли со стульев и, спрятавшись за алтарем, подслушивали, бледные от волнения. Кюре, почувствовав, что одержал победу, стал вдруг добродушен и приветлив.

– Ну вот и прекрасно, вот и прекрасно. Разумные речи приятно и слушать. Вот что значит рассуждать толково. Ничего, ничего, все уладится.

Сабо смущенно ухмыльнулся и спросил:

– А нельзя маленько повременить с этим самым причастием?

Священник снова нахмурился:

– Поручая вам эту работу, я должен быть вполне уверен в вашем обращении на путь истинный.

Потом уже мягче добавил:

– Приходите завтра исповедоваться. Нужно испытать вас по крайней мере два раза.

– Два раза? – повторил Сабо.

– Да.

Священник улыбнулся.

– Вы же понимаете, что вам необходимо полное очищение, – как говорится, основательная чистка. Итак, жду вас завтра.

Не на шутку взволнованный, Сабо спросил:

– А где вы будете это делать?

– Как где?.. В исповедальне.

– Это вон в том ящике?.. В углу? Нет... Ну нет... Ваш ящик мне не подходит.

– Почему же?

– Потому... ну, да потому, что не привычен я к этому. А еще – на ухо туговат.

Кюре благодушно пошел ему навстречу.

– Ну хорошо, приходите ко мне на дом. Мы сделаем все это наедине, с глазу на глаз. Подходит вам это?

– Подходит. Это совсем другое дело. А вот ящик ваш – нет.

– Ну, в таком случае до завтра. Приходите после работы, часов в шесть.

– Значит, по рукам; как уговорились, так тому и быть. До свиданья, господин кюре. Давши слово, держись. Трус, кто идет на попятный.

Столяр протянул свою заскорузлую ручищу священнику, и тот звонко ударил по ней.

Хлопок гулко разнесся под сводами церкви и постепенно замер где-то в глубине, за трубами органа.

На следующий день Сабо до самого вечера не находил себе места от волнения. Он испытывал безотчетный страх, вроде того, какой ощущаешь, когда предстоит выдернуть зуб. Его неотвязно мучила все та же мысль: «Сегодня вечером я должен исповедоваться». И встревоженная душа его, душа не вполне убежденного атеиста, содрогалась от смутного, неодолимого ужаса перед божественным таинством.

Окончив работу, он сразу направился к домику священника. Кюре уже подждал его, прогуливаясь с молитвенником в руках по дорожке сада. Увидев Сабо, он просиял и, сочно смеясь, пошел ему навстречу.

– А-а-а! Вот и мы! Входите, входите, господин Сабо. Никто вас тут не съест.

И Сабо первым вошел в дом.

– Если вы не прочь, я бы хотел поскорей покончить с нашим дельцем, – пробормотал он.

– К вашим услугам. Одну минуточку. Только стихарь надену, и я готов, – ответил священник.

От волнения столяр уже совсем ничего не соображал. Он бессмысленно уставился на священника, облачавшегося в белое одеяние с тщательно отутюженными складками. Наконец кюре подал ему знак рукой:

– Опуститесь на колени вот на эту подушечку. Сабо продолжал стоять. Ему было стыдно вставать на колени.

– А нельзя прямо так? – заикнулся было он.

Аббат вдруг принял торжественный вид:

– Вы явились на судилище господне, и вам надлежит преклонить колени.

Сабо опустил на колени.

– Читайте Confiteor, – приказал кюре.

– Чего?

– Confiteor. Если вы забыли, повторяйте за мной – слово за словом.

И кюре медленно, отчеканивая слова, стал читать молитву, которую столяр повторял за ним. Окончив, он заявил:

– Теперь приступайте к исповеди. Сабо молчал, не зная, с чего начать. Аббат Маритим пришел ему на помощь.

– Сын мой, – сказал он, – вы, видно, не искушены в этом деле. Я буду задавать вам вопросы. Сейчас начну читать по порядку заповеди господни. Слушайте внимательно; не волнуйтесь. Говорите и не бойтесь быть чересчур откровенным.

Единому богу служа ежечасно,

С любовью ему поклонись.

– Скажите, дороже ли для вас господь бог всего на свете? Любите ли вы его всей душой, всем сердцем, всеми помыслами?

Сабо даже вспотел от напряжения.

– Нет, ох нет, господин кюре, – заговорил он наконец. – Я люблю господа бога, как умею. Уж это так. Очень люблю его. Но чтобы я не любил своих детей! Нет, этого не могу. Чтобы господь бог был мне дороже ребят? Ну нет. Или чтоб я выбросил ради господа бога сотню франков? Нет, тому не бывать. Но все-

таки я люблю его, ей-ей, шибко люблю.

– Надо любить бога больше всего в мире, – сурово произнес священник.

И Сабо, преисполненный благими намерениями, пообещал:

– Я постараюсь, господин кюре.

Аббат Маритим продолжал:

Всевышнего имя не вымолви праздно.

Твореньем его не клянись.

– Божились ли вы когда-нибудь?

– Нет. Что нет, так уж нет. Сроду не божился. Разве иной раз под горячую руку скажешь: «Ах ты, господи боже мой!» А так нет, никогда.

– Так ведь это и значит божиться! – воскликнул священник.

И сурово добавил:

– Никогда больше не делайте этого. Ну-с, продолжим:

Закон соблюдай, воскресение празднуй,

В сей день лишь для бога трудись.

– Что вы делаете по воскресеньям?

Сабо почесал затылок:

– Я... я изо всех сил служу господу богу, господин кюре... служу ему... только у себя дома... В воскресный день работаю с утра до ночи.

Кюре благодушно остановил его:

– Ну ладно, надеюсь, впредь вы будете благочестивей. Так... Опустим три заповеди: я уверен, что вы их никогда не нарушали. Перейдем к шестой и девятой:

Старайся избегнуть корысти соблазна.

Чужого добра не коснись.

– Не случалось ли вам когда-нибудь присваивать чужое?

Тут Теодюль Сабо возмутился:

– Нет, уж это нет! Что нет, так нет! Я честный человек, господин кюре. Поклясться могу. А если когда и случалось прикинуть какому-нибудь богатому заказчику несколько лишних

часиков работы, – так что ж из того? Почему бы и не приписать к счету несколько лишних сантимов: ведь это что ж... всего-навсего каких-нибудь несколько сантимов. Но чтобы воровать! Нет, этого не бывало.

Кюре проговорил наставительно:

– Присвоить хоть один сантим – значит уже совершить кражу. Никогда больше не делайте этого.

На брата не молви свидетельств напрасно
И мерзостной лжи берегись.

– Случалось вам лгать?

– Нет. Я не из таковских. Не какой-нибудь лжец. Разве прихвастнуть случится маленько. Это, правда, бывало. Или скажешь иной раз, коли может на пользу тебе пойти что-нибудь такое, чего на самом деле нет. Это случалось. Но чтоб лгать, – нет, никогда лжецом не был.

– Впредь остерегайтесь делать это, – сказал священник.

Супруги чужой не желай любострастно.
Единого брака держись.

– Случалось ли вам пожелать какую-нибудь женщину, кроме вашей жены?

Сабо выпалил от чистого сердца:

– Нет! Уж этого никогда не было, господин кюре: Никогда! Чтобы я стал обманывать мою бедную жену! Да ни за что! Вот настолечко никогда не обманул ее, не то что на деле, а даже в помыслах. Сущяя правда.

Он помолчал немного, потом, понизив голос, словно борясь с сомнением, добавил:

– Вот только, когда в городе бываю, захожу иной раз в тот дом... ну, знаете, в тот... в публичный то есть. Да ведь это только так, шутки ради, пошалить, поразвлечься маленько... Но я плачу; я всякий раз аккуратно плачу, господин кюре. Заплатил, ушел, и поминай как звали.

Кюре оставил его в покое и дал ему отпущение грехов.

Теодюль Сабо получил работу по ремонту хоров и с тех пор

причащается каждый месяц.

* * *

Напечатано в «Жиль Блас» 9 октября 1883 г. под псевдонимом Мофриньёз.

Месяц Марии – у католиков так называется май, посвященный культу богородицы.

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 5. МП «Аурика», 1994

Перевод Г.Еременко Некаýalar